

Антидискриминационный центр
“Мемориал”

Найти тропы памяти

Санкт-Петербург
2010

Студенты — цыгане из России и немцы — посетили места, связанные с массовым уничтожением цыган фашистами во время Второй Мировой войны. Это были Брестская крепость в Белоруссии, Музей Варшавского восстания и Музей-мемориал Освенцим в Польше, Музей Холокоста в Москве, места расстрелов цыган в Смоленской и Псковской областях в России. Студенты встречались с историками, изучавшими геноцид цыган, записывали рассказы очевидцев трагических событий. Поездка завершилась семинаром в Санкт-Петербурге.

МАРШРУТ ПОЕЗДКИ:

Проект «Национал-социалистический геноцид цыган — найти стертые тропы памяти» был осуществлен в 2010 году Антидискриминационным центром «Мемориал» (в партнерстве с Центром документации и культуры немецких рома и синти (Гейдельберг) и при поддержке фонда «Память, ответственность, будущее»).

Студенты — участники проекта:

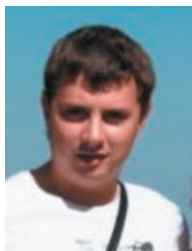
Мария Белова — магистрантка Смоленского государственного университета, планирует защищать диссертацию по экономике и сочетать научную деятельность с бизнесом. Кроме того, Мария интересуется проблемами защиты прав цыган, особенно в области образования. *«Мы много слышали о Холокосте. Но о геноциде цыган довольно редко говорят на государственном и международном уровнях, особенно в России. И если в Европе есть памятники в местах массовых захоронений, то в нашей стране их почти нет. Этот вопрос очень актуален, и общественным организациям необходимо говорить об этом»*

Иван Козлов — студент Псковского филиала Московской открытой социальной академии. Иван планирует создать во Пскове общественную организацию, где будет оказываться правовая помощь цыганскому населению. *«Я рад, что увидел все это своими глазами — эти печи, бараки... Об этом я столько слышал, а теперь все увидел и почувствовал — как люди мучились, и евреи, и поляки, и цыгане, и русские. Это тяжело, это такие испытания... Когда во время экскурсии зазвучала сирена, напоминающая о Варшавском восстании, мне показалось, что я вернулся на 70 лет назад, что идет война, а я нахожусь в бараке...»*

Харитон Симон — студент Псковского государственного педагогического университета, специальность «социальная работа». Харитон работает воспитателем в школе-интернате для детей-сирот и мечтает открыть центр для подготовки цыганских детей и детей из малоимущих семей к школе. *«Посещение Освенцима запомнилось на всю жизнь. У меня захватывало дух от ужаса. Страдания цыган в этом страшном лагере, их муки, боль, испытания, медицинские эксперименты на них... Я думаю, что у нас всех в какой-то момент было чувство безысходности...»*

Глафира Фроленкова — студентка 5 курса Московского государственного педагогического университета. Глафира хочет быть адвокатом по гражданским делам, интересуется правозащитными проблемами. *«Когда заходишь на территорию Освенцима, видишь вокруг бараки и колючую проволоку, то погружаешься в атмосферу огромного зла и издевательства над людьми. Я ощутила не только свою принадлежность к цыганскому народу, но и почувствовала солидарность со всеми, кто противостоит фашизму и расизму».*

Антон Абраменок — студент Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, специальность «прикладная оптика». *«В музее Освенцима самое сильное впечатление я испытал, когда увидел склад детских вещей и женских волос... Еще меня поразило трепетное отношение польского народа к событиям Варшавского восстания. Чтобы понять масштабы трагедии, каждому надо увидеть эти музеи своими глазами».*

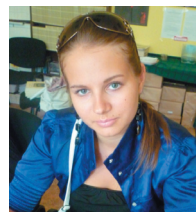
Патрик Беловеysки — студент Гумбольдтовского университета в Берлине. Патрик — волонтер организации American Field Service, которая занимается школьным обменом во всем мире; работает в Акции искупления и в Музее гей-культуры в Берлин-Кройцберге. Его интересы — отношения европейских стран, историческая память, антидискриминация, сексуальная самоидентификация.

Кристина Кравчук — выпускница Российской таможенной академии. Планирует получить второе высшее образование и стать журналистом. *«В музее Варшавского восстания экспозиция устроена так, что посетители как будто попадают в трагическое прошлое. Приложившись ухом к стене, можно услышать все звуки войны. До глубины души меня тронула экспозиция “Комната юного повстанца”. Даже дети сопротивлялись захватчикам и помогали взрослым! Это была не просто война, это была самая страшная война в истории человечества»*

Доротея Фассльриннер — студентка медицинского факультета Лейпцигского университета. В 2008 году Доротея работала в цыганских классах школы в Ленинградской области, вела с детьми творческие занятия и уроки иностранного языка, посещала компактное цыганское поселение, где занималась с малышами, готовя их к школе. Целью этой работы была интеграция цыганских детей в школьную среду. После отъезда из России Доротея продолжает интересоваться соблюдением прав цыганских общин в разных странах Европы.

Филипп Шварц — студент из Германии. *«Самое главное — разобраться, как это случилось, как фашизм и геноцид стали возможны, чтобы понять, как такого не допустить в будущем, как остановить развитие такого процесса. Я считаю, что подобные проекты помогут найти связь между разными людьми, разными национальностями, и тогда у людей будет сильная мотивация, чтобы противостоять фашизму в своих странах».*

Ильяна Березовская — студентка Псковского государственного политехнического института. Ильяна видит себя предпринимателем в малом бизнесе и хотела бы открыть небольшое семейное кафе. *«Передать все ощущения и впечатления при помощи слов невозможно. Для меня ни один музей, ни одна книга или рассказ экскурсовода не сможет сравниться с посещением Освенцима. В первую же минуту я погрузилась в страшную лагерную атмосферу и физически ощутила страдания и страх узников. Стало тяжело дышать, замирало сердце. Мы, современные благополучные люди,*

вечно жалуемся на свою «нелегкую» жизнь, и не задумываемся о том, каково было тем, кто мучился в этом лагере. Жестокость нацистов не укладывается в голову: это не люди — это бесы, звери...»

Анастасия Серегина — выпускница Орловской региональной академии государственной службы (Смоленский филиал), специальность «финансы и кредит». Во время нашей поездки Анастасия особенно заинтересовала возможность узнать больше о трагической судьбе цыган Смоленской области, где живет ее семья.

Брест

Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». В годы войны через Брест перевозили узников—цыган из лагерей Латвии в концентрационные лагеря Польши и Германии.

«Побывав в музее, я пережила удивительное чувство гордости за тех людей, которые сражались здесь до последней капли крови. Когдаходишь в ворота крепости, слышишь музыку и голос диктора Левитана, ты представляешь, что переживали защитники и знаешь, что большинство из них не услышат об окончании войны...»

Глафира Фроленкова

Участники проекта в Бресте

Варшава: Музей Варшавского восстания

«В музее мы погрузились в суровую атмосферу военного времени — экспонаты и фильмы, которые там показывают, передают трагизм Варшавского восстания и рассказывают о мужестве польского народа.»

Харитон Симон

Государственный музей-мемориал Освенцим (Аушвиц-Биркенау)

О геноциде цыган в Европе вспоминают нечасто, но все же есть один обязательно отмечаемый памятный день, связанный со страшной трагедией: в ночь с 2 на 3 августа 1944 года в Освенциме был полностью ликвидирован лагерь цыган — несколько тысяч человек были отправлены в газовые камеры и сожжены в крематории.

«Особенность Освенцима — масштаб и систематика геноцида. Нацисты уничтожали узников, как мусор, как материал. Как люди могут привыкнуть к массовым убийствам? Мне необходимо больше времени, чтобы все это осознать».

Патрик Веловейски

На территории Освенцима-I сохранился всего один крематорий — нацисты не успели его уничтожить, как все остальные. Как правило, газовая камера и крематорий были совмещены. Здесь сжигали трупы, предварительно сняв с них одежду, сббив волосы, удалив золотые зубы. Как вспоминал Хенрик Таубер, член зондеркоманды, работавшей в крематориях, *«мы сжигали тела детей вместе с телами взрослых. Сначала мы укладывали двух взрослых, а затем столько детей, сколько могло уместиться в муфеле. Иногда там помещалось до пяти или шести детей».*

«Самым шокирующим для меня было посещение Биркенау. Почему я не плачу? Может, я не способна воспринять эту ужасную информацию? Могу ли я представить страдания людей? Что я должна чувствовать как немка? Меня охватил ужас, когда я узнала, как врачи поступали с узниками. Я подумала: неужели человек может привыкнуть видеть трупы и страх в глазах другого человека? Как люди могли «выключить» все свои чувства? Я поняла, как опасно это для будущего».

Доротея Фасслериннер

В Блоке-13 размещена постоянно действующая выставка «Национал-социалистический геноцид народов синти и рома». Она была открыта в 2001 году в день 57-ой годовщины ликвидации так называемого «Цыганского семейного лагеря» в Освенциме. Около 3 тысяч цыган были уничтожены в газовых камерах.

Открытие выставки — это совместный проект Центра документации и культуры немецких синти и рома в Гейдельберге, Германия; государственного музея-мемориала. Выставка состоит из трех частей: общий обзор истории цыганского народа в Европе с 1933 по 1945 годы; геноцид цыган на оккупированной нацистами территории; и история уничтожения цыган в лагере смерти Освенцим (Аушвиц-Биркенау). Благодаря участию многочисленных цыганских организаций в исторических исследованиях, было найдено множество архивных документов и фотографий, которые демонстрируют масштабность геноцида цыган в годы национал-социализма в Европе.

Одно из самых ужасающих преступлений нацистов — медицинские опыты, которые проводились почти во всех крупных концлагерях. Печально известен жестокий врач-экспериментатор Йосеф Менгеле, прозванный «Доктором-смертью». На этой фотографии жертвы его опытов, цыганские дети-близнецы.

«У нас был шок от всего увиденного и рассказанного! Мы выходили со слезами на глазах. Хотелось просто убежать, скрыться, уйти! Но я подумала, что я обязана рассказать другим об этом, чтобы прочувствовали страдания людей, погибших в Освенциме!»

Глафира Фроленкова

Участники проекта «Найти стертые тропы памяти» у памятника уничтоженным в Освенциме цыганам.

Герман Гёлленрейнер (слева), бывший малолетний узник Освенцима. Недавно он подготовил к изданию книгу «Мано. Свидетель холокоста». Герман приехал на открытие памятника в составе делегации из Германии и, узнав, что в нашей группе есть участники-цыгане из России, сам нашел нас и предложил встретиться. Вот что он рассказал:

«Летом 1943 года моим родителям сказали, что они должны переехать из Мюнхена в Польшу просто потому, что они синти. Всего нас было около ста человек, это вся родня со стороны отца и матери. И мы все ехали в одном вагоне. Никто не знал, куда и зачем нас везут. Оба моих дяди — офицеры немецкой армии — надели в дорогу свои военные мундиры, а дедушка, ветеран Первой мировой войны, прикрепил на мундир ордена и медали, полученные им за доблесть и храбрость. Это никого не спасло и ничего не значило для нацистов, сопровождавших поезд: они били прикладами по голове стариков с медалями на груди, беременных женщин и детей. Для них это были только люди последнего сорта — синти, цыгане, угрожавшие чистоте арийской расы.

Через две недели, когда умиравшие от духоты, жажды и голода люди приехали в Аушвиц, из вагонов буквально выпала почти сотня мертвых — их тут же отправили в печи крематория. Остальным присвоили номера и вытатуировали их на руке; грудным детям номер ставили на бедре — на крошечных ручках штамп не помещался. Нас сразу начали бить — просто потому, что мы не умели выполнять команды, не сразу встали прямо. И постоянно оскорбляли — я до того никогда не думал, что моя национальность — это ругательство. В каждом бараке, построенном руками заключенных, жили примерно по 400 человек, туалетов не было. Питьевой воды тоже не было — пили то, что удавалось собрать во время дождя или прямо из болотистых луж. Вскоре все начали болеть тифом, дизентерией. Иногда люди умирали на пороге барака — не было сил открыть дверь. Каждый день в четыре утра обитателей лагеря выводили на перекличку — босых, полуголых, в любую погоду. На обед давали гнилую свеклу — я до сих пор не могу ее есть. Через полгода, уже зимой, заключенным выдали одеяла, кишевшие вшами: такого количества этих насекомых я не видел больше никогда в жизни. Кто-то сказал: это доктор Менгеле специально дал нам такие одеяла, чтобы проверить стойкость цыган к болезням, которые переносят вши. О Менгеле цыгане уже отлично знали: на цыганских и еврейских детях он постоянно ставил опыты, особенно на близнецах. Моих двоюродных братьев Менгеле заставлял прыгать с 10-метровой высоты — наблюдал, как ломаются кости, как деформируется позвоночник. Мне врачи-эсэсовцы часто делали какие-то уколы, от которых потом болело все тело. Мне было тогда десять лет, но нас гоняли на работу: вместе с братьями я укладывал штабелями трупы перед отправкой их в печи крематория, чистил обувь эсэсовцам. Летом 1944 года нашу семью — меня, родителей и двоюродных братьев отправили сначала в Равенсбрюк, а потом в Заксенхаузен. Один эпизод, случившийся в этом лагере, я не забуду никогда. Один парень, лет шестнадцати, поймал крысу и хотел ее сварить. Это увидел эсэсовец и потребовал, чтобы мальчишка ел крысу живой. Парень не решился, и крыса сама набросилась на него, вцепилась ему в губы и порвала лицо. Эсэсовец спокойно расстрелял обливавшегося кровью мальчика. Я стоял рядом, его кровь брызнула на меня. Я до сих пор как будто вижу ее на своих руках. Из Заксенхаузена уже в апреле 1945 года заключенных погнали маршем в неизвестном направлении».

Герман Гёлленрейнер с участниками поездки.

В Освенциме студенты встретились с Романи Розе, руководителем Центра документации и культуры немецких рома и синти (Гейдельберг).

Рассказывает Романи Розе:
«Из нашей семьи в Освенциме и Равенсбрюке погибли 13 родственников. Я чувствовал, что нужно восстановить историческую справедливость — ведь долгие годы немецкое правительство не признавало геноцид цыган во Второй мировой войне. За публичные оскорбления

в адрес евреев после 1949 года строго наказывали, а за оскорбления синти — нет, и в отношении цыган немецкие бюрократы продолжали руководствоваться документами, принятыми в нацистской Германии еще в середине 30-х годов! Впервые о страшной трагедии цыганского народа на общеевропейском уровне заговорили два английских социолога: в 1972 году Дональд Кенрик и Грэттан Паксон выпустили книгу “Судьба европейских цыган”. Вокруг них начала формироваться группа ученых и общественных деятелей, которые заставили всю Европу говорить об этой истории. Благодаря усилиям ученых, правозащитников и общественных организаций, справедливость восторжествовала: 17 марта 1982 года канцлер ФРГ подписал документ, подтверждающий признание факт геноцида цыган. Сегодня в Германии есть настоящая демократия, есть критическая пресса и нет бюрократического расизма. Да, у цыганского народа есть другие проблемы, но теперь весь мир знает, что германский нацизм виновен и в цыганском геноциде».

МОСКВА

Студенты встретились с известным цыгановедом Николаем Бессоновым. К 65-летию победы над фашизмом он опубликовал книгу «Цыганская трагедия 1941 — 1945. Том 2: Вооруженный отпор». Для автора принципиально, что тема «цыгане и война» не исчерпывается только Холокостом цыган: не случайно он решил сначала опубликовать именно те материалы, которые иллюстрируют участие цыган в сопротивлении фашистам — как в составе регулярной армии, так и партизанских отрядов. Впервые широкой публике представлены уникальные фотографии и документы военной поры, воспоминания и свидетельства участников трагических событий XX века.

Санкт-Петербург

В итоговом семинаре приняли участие студенты, побывавшие в местах, хранящих память о гибели цыганского населения европейских стран. Они обменялись впечатлениями, обсудили собранные интервью с очевидцами, планы будущих публикаций. Студенты были едины

в одном: память о цыганах - жертвах национал-социализма в России не сохраняется, а исчезает, ее любыми силами надо поддерживать, в том числе продолжать поиски захоронений цыган – жертв нацистского геноцида на территории России.

Встреча с Романи Розе, который на протяжении долгого времени боролся за признание геноцида цыган в Европе в годы Второй мировой войны, вселила надежду на то, что целенаправленная деятельность освещения трагедии цыганского народа на территории бывшего Советского Союза может принести свои плоды в деле сохранения памяти и в России. Мария Белова отметила, что важно собирать и систематизировать информацию, беседуя с людьми, пережившими трагедию, что необходимо посещать места массового уничтожения цыган и в каждом таком месте установить памятные знаки. *«На мой взгляд, необходимо создавать проекты просветительского характера, которые позволили бы рассказывать о таких людях, как Прасковья Антоновна Белова и другие свидетели и участники трагедии, с которыми мы встретились в рамках этого проекта. Необходимо писать об этом и просвещать молодое поколение. Мы должны знать и освещать историю цыганского народа. Мы должны говорить об этом, чтобы нас услышала общественность. Геноцид цыганского народа в годы Второй мировой войны должен быть признан».* Проект «Национал-социалистический геноцид цыган – найти стёртые тропы памяти», в рамках которого группа цыганских и немецких студентов посетила памятные места захоронения цыган на территории Польши и России, явился, по сути, пионерским в деле сохранения памяти об этой страшной трагедии среди молодежи. Первыми шагами в этом направлении можно считать записанные студентами свидетельства людей, переживших преследования цыган в ходе Второй мировой войны на оккупированных территориях СССР.

Свидетельства очевидцев

Деревня Александровское под Смоленском. Здесь, на месте массового расстрела цыган в 1942 году, в 1991 году был установлен памятник на средства, собранные цыганами.

Владимир Гленчуков:

«Мне тогда было всего три года, так что я эту историю почти не помню – знаю только по рассказам матери, соседей, – тех, кто спасся, кого не достреляли. Это было 24 апреля 1942 года. Оцепили деревню каратели. Стали цыган выгонять из домов, согнали всех в сарай. Там раздевали, снимали серьги, украшения. Немцы смотрели: если тело белое, значит русская, отпускали. Яму выкопали, вниз песок положили. Ну и оттуда, из сарая, партиями сюда – по 15-20 человек. Тут и расстреливали, одних цыган. Тут вообще цыганский колхоз был, русских мало. Они в стороне стояли, смотрели. И детей отнимали, и прямо живых – в яму. А если мать кидалась в ров за ребенком, то в нее не стреляли, а приводили следующую партию и ставили так, чтобы она вылезти не могла, да так живьем и закапывали. Мне было три года, я на руках у матери сидел. Я только запомнил, что валеночек у меня свалился и мне холодно было, и я плакал. А спаслись, как говорят, так. Приехал немец, офицер, эсесовец, на машине. И он подходил к уже раздетым и говорил: «Киндер гут, матка гут, нах хауз». И вот так он успел спасти несколько семей. А потом приехали другие немцы и забрали того немца. Где он, кто он такой, не знаю. Наверно, среди них тоже были люди. А мы потом через ров в лес ушли. И жили за 30 км отсюда. И уже вернулись, когда немца погнали».

Прасковья Белова:

«Я во время войны жила в деревне Корневщина – рядом с Александровской. У нас тоже жило много цыган, но там никого не тронули. Председатель колхоза был цыган, хороший такой, он сказал: «Никуда не выходите, ни в город, никуда, а то постреляют». А в Александровке забрали почти всех. Жили-то дружно, а потом видите, что наделали русские. Два полиция было – и показали на цыган. И все, всех забрали. Говорили, что могила несколько дней шевелилась, дышала. А никого не могли спасти, потому что немцы оцепление держали, дежурили.

Мария Белова и Прасковья Белова

Из «Справки о массовом истреблении советских граждан – цыган немецкими захватчиками в деревне Александровское, расположенной в 5 км от города Смоленска» от 21 октября 1943 года:

«23 апреля 1942 года перед вечером из гор. Смоленска в дер. Александровское прибыли 2 немецких офицера и, явившись к старосте, предложили ему составить посемейный список жителей бывш. Национального цыганского колхоза «Сталинская Конституция» с подразделением на русских и цыган с включением в него всех мужчин, женщин, стариков и детей. 24 апреля в 5 часов утра прибывшим из гор. Смоленска карательным отрядом в количестве до 400 человек, возглавлявшимся группой офицеров, дер. Александровское была оцеплена, потом гестаповцы обошли все дома и всех жителей деревни, как русских, так и цыган, выгнали полураздетыми из домов и погнали на площадь к озеру. Немецкий офицер, владевший русским языком, достал из кармана список жителей деревни, взятый им у старосты деревни, и стал из толпы вызывать граждан, сортируя их на русских и цыган. После сортировки русские были отправлены домой, а цыгане оставлены под усиленной охраной. Потом офицер из оставшейся толпы выделил физически крепких мужчин, им выдал лопаты и в 400 метрах от деревни предложил вырыть две ямы. Когда мужчины были отправлены рыть ямы, туда же немцы погнали женщин, детей и стариков, избивая их прикладами, палками и плетками. Перед расстрелом осужденные были подвергнуты осмотру, женщин и мужчин раздевали, и все, кто имел смуглую кожу, были расстреляны. Расстрел был осуществлен так: вначале расстреляли детей, грудных детей живыми бросили в ямы, потому расстреляли женщин. Отдельные матери, не выдерживая дикого ужаса, заживо бросались в яму. Трупы расстрелянных закопали мужчины, потом они сами были расстреляны и немцами закопаны во вторую яму. Всю лучшую одежду расстрелянных, а также различные ценности немцы увезли с собой в Смоленск. Всего было расстреляно 176 человек. Из этого количества 143 человека установлены: 62 женщины, 29 мужчин и 52 ребенка; 33 не установлены за отсутствием посемейных книг».

Памятник жертвам нацизма

Псков

Александра Васильевна Белова:

А.В.Белова (справа) К.Фасльриннер

«Мне было 9 лет, когда началась война. Когда стали бомбить Остров, собрались все родственники-цыгане и поехали из города, а немцы ехали нам навстречу. Мы все спрятались в гумно, но они нас нашли и вернули обратно домой. Тогда они еще цыган не трогали. По дороге домой мы видели, как падали наши самолеты.

Мы вернулись домой и какое-то время жили нормально. У нас было свое хозяйство, нас не притесняли. Отца не взяли на фронт по болезни, и уже в оккупации он устроился работать дворником. Потом немцы забрали наш дом и дали нам взамен маленький домик в одну комнату, вот мы там все и ютились. Жили мы так до 1942 года, пока нас не арестовали. Отец мой в то время помогал партизанам укрывать евреев. Я помню, как-то вечером пришла к нам молодая красивая женщина, а тогда ведь по вечерам облавы были, и мать моя ей говорит: «Ложись под перину», а мне велела лечь сверху на нее. Мне завязали голову платком, и я лежала, как больная. В дверь постучались, вошли немец и полицейский и спрашивают, есть ли у нас кто чужой. Им ответили, что нет, и указав на меня, сказали: «Вот девочка у нас больная, может и тифом». Немцы тифа очень боялись, посмотрели они вокруг и быстро ушли. Отец сказал женщине, чтобы она одевалась, и повез ее куда-то. На отца, видимо, кто-то доложил, его арестовали и забрали в тюрьму, но потом выпустили. Как-то глубокой ночью пришли к нам полицейские местные, молодые ребята, и с ними немец. Они нам сказали, чтобы мы одевались потеплее и взяли с собой еду. В тюрьме оказались все наши родственники. Нас всех загнали в одну камеру – и стариков, взрослых и грудных детей. Утром нам сказали, чтобы мы выходили. Погрузили нас всех в машины. Привезли в Моглино. Оказывается, туда давно уже всех свозили из соседних деревень и расстреливали. Попали бы мы туда раньше, и нас бы ждала такая же участь, но нас защитил наш «бургомистр». Мы ведь все работающие были, ничего плохого не делали. Многие наши близкие родственники там расстреляны: дяди мои и тети, племянница беременная, которая замуж в деревню вышла. В Моглино мы стояли в очереди на расстрел, но приказ расстреливать

нас был отменен, не знаю уж кем, и нас повезли в Саласпилс. Это был настоящий концлагерь за колючей проволокой — там были военнопленные, цыгане, русские. Поселили нас в бараки: женщин с детьми в один барак, а мужчин в другой. Папу я видела в последний раз из окна нашего барака, он уже был в полосатой лагерной одежде и нес что-то тяжелое в носилках с другими мужчинами. Мы все кидались к окнам, чтобы увидеть своих родных. Потом немцы стали отнимать детей от матерей, всех до 16 лет. Отбирали даже грудных детей, женщины плакали, кричали, кидались на немцев. А моя мать взяла меня аккуратненько за плечи и подвела к ним, когда назвали мою фамилию. Отвезли нас недалеко от материнского барака, и мы пытались туда бежать. Матери смотрели в окна, звали своих детей, а нас не пускали — ловили, загоняли в наш барак. В одном бараке дети кричали и плакали до обморока, а в другом плакали матери. Чтобы это все прекратить, немцы решили увезти детей из этого лагеря подальше от матерей, но я и другие дети заболели тифом. Нас оставили и разрешили матерям нас навестить. Я лежала больная, с высокой температурой, не могла ничего есть, и я спрятала кусочек хлеба под подушку. Когда пришла ко мне мама, я ей его отдала. Потом мне мама рассказывала, что когда они вышли, врач их спросила, взяли ли они что-то у детей. Мама призналась, что взяла у меня кусочек хлеба, кусочки хлеба оказались и у других матерей. Врач не выдала женщин немцам и разрешила взять хлеб с собой. Потом нас перевели в больницу и периодически приходили смотреть, кто умер, а кто еще жив. Я теряла сознание, но когда они приходили, я открывала глаза и меня перевели в палату для выздоравливающих. Где-то через полгода всех детей перевезли в лагерь Тухенген, недалеко от города Лодзь в Польше. Нас отправляли работать: полоть картошку, свеклу, брюкву. Нам становилось плохо, и мы падали прямо в борозде. Так и я упала однажды, и меня пожалела женщина — она у нас воспитательницей была, ее дети тоже были среди нас. Перевела она меня работать на фабрику, за станками следить, и там мы не успевали, мы же детьми все-таки были, нам было по 12 лет. Как-то у меня и моей подруги порвалась нить в станке, и нам сказали, что мы навредили намеренно. Нас привели в лагерь, построили девочек и мальчиков, ровесников, поставили скамейку и били нас плетками. Потом дали плетку мальчику, моему двоюродному брату, и сказали ему, чтобы он меня отстегал. Он сказал: «Она мне своя» и отказался меня бить, и его за это наказали. Дали плетку другому мальчику и тот меня отстегал, у меня до сих пор шрам на ноге от тех побоев. Нас в тот день лишили обеда и ужина, и родственники приносили нам кусочки хлеба. Трудно все это вспоминать. Были мы в Саласпилсе до января 1945 года. Наша армия уже наступала, и

немцы решили нас уничтожить. Они нас заперли, подкатили к нашему барaku бочки с бензином, но началась бомбежка и немцы, испугавшись, уехали. Им было уже не до нас. Мальчики наши, которые постарше, вылезли в окно и откатили бочки подальше от барака. Потом они открыли ворота, и наши воспитатели помогли нам уйти. Мы нашли незанятый дом, куда и забрались.

Жили мы в этом доме несколько дней, спали, прижавшись друг к другу. Потом пришли наши войска. Нас накормили, одели, мы еще некоторое время жили в нашем лагере. Потом нас увезли в Варшаву, и дальше в Киев, в детский дом. Везли нас в разные госпитали, мы пели и плясали для раненых. Ну а потом наши родные нашли нас, приехали за нами и отвезли домой.

Ольга Александровна Белова:

«Немцы пришли в Остров в 1942 году. Мне было 13 лет, сестре 11, еще младшие брат и сестра. Сейчас уже никого, кто помнит, здесь не осталось. Вот самые старшие — это я и моя сестра, нам за 80. Все цыгане Острова пострадали — их всех немцы забрали. Стали по квартирам ходить, ничего не давали с собой взять — как

Ольга Александровна Белова.

стояли, так и бежим. Сестренка — ей еще трех лет не было — хотела куклу взять. Немец говорит: «Возьми», а полицейский как заорет: «Не смей!» Евреев тоже забирали, но их вообще сразу расстреливали. Около нас врач жил, Король, — когда забирали, ему все руки переломали, и всю семью расстреляли. С теми еще страшной обращались, с цыганами еще более-менее. Нас сначала в тюрьму забрали, там три дня отсидели. Мамина сестра была замужем за пограничником, у нее девочка шести месяцев на руках. И вот у нее нашли фотографию мужа в форме. Ее били, 25 плеток прописали. А мы все стоим, смотрим. И как нам было выдержать. Но она даже не заплакала, а только вот вся краснеет и трясется, и уже силы не хватает чтобы ребенка не уронить. Потом нас посадили в машины, которые перевозят скот, свинячье, вонючие, и повезли в Моглино. Нам прямо сказали, что ведут на расстрел. Это были не немцы, а екашники — наши русские, как бы предатели, полицаи. Были частью из местных, а многие приехали. Екашники хуже немцев. Уже нас в построение поставили,

мужчины отдельно, женщины отдельно. И вдруг бежит немец, кричит: «Расстрел отменен». А мы стоим, и могила рядом, так и не разбирали – кого застрелили, кого живым бросили или ранили. И могила вот так ходуном ходила, потому что там много живых людей, которых не успевали даже достреливать. И нас этой же ночью опять посадили в скотские машины. Как собак толкали, патрули эти. Всех цыган отправили в карательный лагерь в Саласпилс. Мы приехали, нас всех в один барак, как собак, больше 100 человек. Дышать было нечем. Нары до потолка, и на этих нарах спали по очереди, по 3-4 часа. Мама немножко поспит, потом уже ложилась я, потом сестренка. Когда не спали, стояли, иногда сидели. У старушек были иконки, они молитвы знали. И мы молились и по родителям, и по мужьям. В бараке и русские были, но мало, в основном евреи и цыгане. Мужчины и женщины раздельно. Там и оправлялись, а потом парашу выносили – такая, как стол, большая, но глубокая, и на такой палке железной. Скажут кому-то двум: «Парашу выносите». И вот они на плечо, и несут. В общем, такое пережили, что во сне не снится. Утром поднимали нас в 8 часов, в бараке стоит такой бак, с человека, там самое плохое кофе налито: наливают воду холодную, сырую, и что-то разболтают там, и соли пачку. Идешь, этот кофе берешь и хлебушек, вот и завтрак. А потом баланда: крупинка какая попадет – это обед. И тоже соленая. А потом сидим голодные. Если съешь завтрак свой сразу, то все. Это еда на целый день. И все время работать, можешь ты или не можешь. Там Зельма такая была, начальница, она дубинками всех била, и стариков, и всех. Вот эта Зельма издевалась, ну настолько была сволочь, ни дна ни крыши ей. Она самая главная была в этом лагере. Ей потом дали 10 лет строгого режима, наши уже. Наказывали нас. Старуха была там, без спросу взяла кофе. Метлу дали ей в руку и поставили на сутки, и чтобы не шелохнуться. Следили за ней. В Саласпилсе мы работали день и ночь, даже дети, из соломы плели тапки. Руки натирали до крови. Надзиратели стоят, смотрят. И спать не давали. Только заснешь, вставайте уже, просыпайтесь, а то по плечу или по голове дубинкой треснут. Вот отсидим 12 часов, отпустят немного поспать, а если вздремнешь за работой, так сразу по плечу, по голове, по спине дубинкой. А над взрослыми вообще издевались, били по-настоящему. С другими бараками не общались, не разрешали. Барак каждый по-своему идет на работу, бараки под номерами. Одежда под номерами. А потом детей маленьких отобрали в отдельный барак. С моей сестрой младшей давали маме или мне (я старшая была) полчаса повидаться в детском бараке. А сестренка плохо ела. И у нее корочки оставались, она их прятала в трико. Так мама

придет, она ей отдает эти кусочки. А на выходе маму проверяли. Но там наша, русская стояла. Мама покажет ей кусочки: мол, это от моей доченьки, от Валечки. А потом детей маленьких увезли, даже грудных. Женщины, которых беременными забрали, там и рожали. У них у всех детей отобрали. И из нашего барака расстреляли двух матерей. Они только родили, детей отобрали, а их расстреляли. У маминой сестры, которая 25 плеток получила, отобрали ребенка 6-месячного, и она как бы с ума сошла. У нее осталось одеяло от девочки, так она ходит по барaku с этим одеялом, как с ребенком, и плачет. Потом я заболела тифом, меня положили в больницу. И там была врач Серебренникова, из Острова, дай ей бог здоровья, если она живет еще. Она нас знала, рядом жили. Она бежит вперед, а за ней идет немец-врач. Если только температура, он дает тут же таблетку и человек сразу умирает. Она бежала и всех предупреждала: «Градусник на рубашку клади, чтобы температуры не было». На стариков вообще внимания не обращали, им всем такие таблетки дали. А вот к маминой сестре она успела добежать – у нее тоже был тиф, и она выжила». В Саласпилсе беда была ужасная, очень много там расстреляли, то есть не сразу расстреливали, а издевались, били. Там гора с дом была навалена людей, и они кричат: «Помогите», и никто не имеет права, даже если бы моя мать там была или сестра, туда подойти. Месяцев пять мы так прожили. А потом уже, после Саласпилса, кто жив остался, кого не расстреляли, отправили в Польшу. Тухенген. Литцманштадт (Лодзь). Там тоже лагерь был большой. Там много всяких было. Но мы, цыгане, просили, чтобы нас в один барак поселили, чтобы мы вместе были. Поляки хорошие попадались: они отпускали нас попросить хлебушка, и одежду нам давали. И вот когда нас отпускают, мы идем туда, где люди живут, и просим хоть кусочек хлебушка, хоть кусочек мыльца. И мы разрежем его на несколько частей, чтобы хоть лицо помыть и руки, потому что уже невозможно было... А то иной раз тоже избивали за каждый пустяк, давали вот такой кусочек хлеба на целый день. Нас на работу гоняли, на железную дорогу, кирки были дадены. Так уставали, так уставали... Однажды мама вышла из постройки, ей плохо стало. А литовец такой, здоровый, и палка у него еще была, булавой. И он хотел ее ударить, думал, бежать хотела. А мы с сестрой подскочили и говорим: «Да не бежать она хотела, она просто устала, как же она убежит, ведь мы-то здесь, дочки ее». И встали мы перед ним на колени. А он ее как толкнул и говорит: «Ладно, иди». Из Польши нас отправили уже в Германию, тоже в концлагерь. Мы работали, песок таскали... А потом, когда нас освободили, мы были в американском лагере. Там мы сделали свой цыганский ансамбль, а американцы нас поддерживали и материи дали на кофты цыганские. Нас американцы отправили во Францию

выступать. Это уже в 1946-м было, наверное. Мне было уже лет 17. Война кончилась. Мы были в Версале. Там нас кормили хорошо. Там такие сады были, бери сколько хочешь. Америка нас уже потом домой отправила. В Россию мы вернулись в 1947 году на поезде. В Острове дом наш сгорел. Мы пошли в Печоры. Там в одном доме жили все вернувшиеся. Потом всем дали квартиры. А с сестренкой маленькой вот что случилось. В Саласпилсе у нас всех детей отобрали, и куда отправили, мы даже не знали. А когда война кончилась, то выяснилось, что их отправили всех в Киев. Мама наша везде искала нашу младшенькую. Вот скажут, что где-то есть Иванова Валентина Александровна, родилась в Острове, и год рождения совпадает. Мама все распродает, едет туда, а ей выносят девочку русскую. Мама настрадалась так, что ужас. А потом уж нас сестренка сама нашла. Она рассказала, что по дороге в Польшу ее с двоюродной сестрой как больных выбросили из машины где-то у Бреста. Они спрятались в сарае и уже совсем помирали. А хозяйка увидела, что в сарае что-то шевелится, подошла к ним и говорит: «Я ее вылечу от болезни и возьму к себе». Принесла печеной картошки из дому, и потихонечку кусочками прикладывала, и вылечила. Вот видите, врачи не знают, а старые люди знают. И она удочерила этих двух девочек. Когда закончилась война, двоюродная сестра говорит: «Давай искать твою маму, я помню ее, и брата твоего Мишу помню». И они стали искать нас и нашли. Мы с мамой поехали за ними, но они так и остались жить у этой женщины».

Н.Н.Сухановский
с участниками поездки

Николай Николаевич Суховский:

«Мне было 12 лет, когда меня забрали в Саласпилс, а оттуда в Лодзь. Приехали за нами поздно ночью, забрали всю семью и отвезли в лагерь смерти. Страшно там было, бараки длиной в полкилометра, трехэтажные нары и очень много народу. Нас, детей, кормили неплохо, но видел я и других детей — им давали какую-то сыворотку, они сильно худели и умирали. Из лагеря в Лодзи нас освободил сам маршал Жуков, и я его лично видел».

Любовь Степановна Романова, местная жительница из Неелова, что недалеко от Моглино, указала нам место, где была общая могила — место убийства и захоронения цыган. Сейчас там поросший мхом валун, кусты и трава. Ничто не напоминает о страшной трагедии. Впоследствии останки расстрелянных цыган были перенесены в общую могилу с погибшими в этих краях советскими солдатами.

Любовь Степановна Романова:

«Вот здесь это было. Кладбище и братская могила. Я по рассказам знаю — в войну мне было 5 лет. Расстрелы проходили прямо здесь. Нам местные показывали. Яму копали, туда и живых недострелянных бросали. И танками закатывали. Здесь бараки стояли и школа недалеко была. Рассказывали, что детей сначала в школе держали, как в тюрьме, а потом либо вели к яме, либо отправляли в лагерь. Я помню, мне пять лет было, в 1941-м, пришла к тетке. Она осенью

Любовь Степановна Романовна

молотила рожь в гумне. К ней приходил партизан – он днем веревки вил, корзины плел. Тетка хлеба напечет, а он ночью хлеб возьмет, унесет в партизанский отряд. Днём опять приходит, по дороге что-то разведает там в Комарове. В один прекрасный день подкатывает машина – и забрали тетку прямо с гумна. Голую, босую, в чем была, в том и уехала. Это хорошо, что немцы любили яички, сало, мед – так откупили родственники ее, тетка жива осталась. Свой ее сдал, деревенский. А я уже после войны говорю ей: «Крестная, а чего ты его не наказала? Он же и сейчас живет». А она говорит: «Да ладно, пусть живет». Наш брат всегда прощает. А уже после войны нас, школьников, приводили сюда на День Победы. И в пионеры здесь принимали. Похоронены тут были и партизаны, и евреи, и цыгане, все советские люди, а что, цыгане и евреи не наши люди? А потом братскую могилу, где цыгане расстрелянные, перезахоронили – вон памятник возле кафе, все они там положены. Кладбище наши родители раскапывали, где-то в 1945-1946 году. И останки солдат собирали, и мирных жителей, которые в войну погибли. И мама моя раскапывала. Здесь цыгане и евреев убивали, и партизан, и наших пленных. А памятник поставили, когда уже мои дети здесь учились. Раньше из Неелово из школы дети приезжали убирать, а сейчас работники кафе за могилкой ухаживают.

Обелиск погибшим в Моглино

АДЦ Мемориал выражает благодарность:

Утэ Вайман и организации «Акция искупления — служба делу мира» за помощь в реализации проекта и за многолетнее привлечение волонтеров к работе АДЦ МЕМОРИАЛ;

Романи Розе и Центру документации и культуры немецких синти и рома (Гейдельберг) за помощь в реализации проекта;

Фонду «Память, ответственность, будущее», поддержавшему проект;

Николаю Бессонову, историку и цыгановеду (Москва) за сотрудничество;

Наталье Шкуренко, журналистке «Новой газеты» (Санкт-Петербург), за освещение темы цыганского холокоста в СМИ;

Всем очевидцам трагедии цыган, кто вспоминал о прошлом, рассказывал о годах войны, делился своей болью и памятью.
